

Сохрани насъ Богъ оказаться гасильниками
любви къ военному дѣлу.

Не найдется человѣка, который бы не подтвердилъ справедливости психологическаго наблюденія: всѣ окружающіе предметы, дѣйствія, поступки, вообще жизнь даннаго момента окрашивается испытываемымъ въ этотъ моментъ чувствомъ.

Человѣкъ счастливъ—всѣ люди, предметы, явленія природы, жизнь—окрашена пріятною розовою краскою.

У человѣка горе, непріятность—и все окружающее принимаетъ непріятный оттѣнокъ.

Съ такой окраской все окружающее за данное время въ данномъ мѣстѣ запечатлѣвается въ памяти. И вотъ когда человѣкъ вспоминаетъ про дѣло, предметъ того времени, когда онъ терпѣлъ непріятности, вмѣстѣ съ этими образами поднимается и сопровождавшее ихъ непріятное чувство.

Это особенно рельефно выказывается при путешествіяхъ. Лю-

бятъ и съ удовольствіемъ вспоминають не красивѣйшія и лучшія на самомъ дѣлѣ мѣста, города и пр., а тѣ, въ которыхъ путешествуя испыталь счастье или удовольствіе, пріятность. Наоборотъ, самыя роскошныя мѣста, величавыя картины, но сопряженныя съ несчастіемъ или непріятнымъ чувствомъ, вспоминаются какъ нехорошія, непріятныя.

Вотъ вы пріѣхали въ городъ: утренняя свѣжесть, мягкіе лучи солнца, какъ будто вымытая зелень деревъ, чистота—возбуждаютъ пріятное чувство; мало того, вы еще въ этомъ городѣ получили удовольствіе. И всегда при воспоминаніи объ этомъ городѣ будетъ подниматься пріятное чувство въ связи съ утренними свѣжими лучами солнца, вымытою зеленью деревъ и пр., а также съ пережитымъ тогда удовольствіемъ. Вы будете говорить, что вамъ этотъ городъ нравится, что вы его любите.

Чувство жизнерадостности дѣтства окрашиваетъ въ пріятный розовый цвѣтъ воспоминанія о всемъ томъ, что окружало это дѣтство, хотя бы это все окружающее относительно было бы очень не розово, а просто сѣро и даже беспросвѣтно-темно. Только такой смыслъ и имѣеть строфа:

„Что пройдетъ, то будетъ мило“.

потому что никогда не будетъ милымъ для человѣка воспоминаніе о мѣстѣ, людяхъ, заставившихъ пережить непріятное чувство: не будетъ милымъ воспоминаніе о предателѣ, измѣнѣ, позорѣ, возмутительной несправедливости, наглой лжи, насиліи, униженіи и пр., и пр.

И если воспоминаніе о пройденномъ является «милымъ», то это обозначаетъ связь его не съ предательствомъ, измѣной, позоромъ, несправедливостью, наглою ложью, насиліемъ, униженіемъ и пр., а съ чѣмъ нибудь другимъ, притомъ окрашеннымъ пріятнымъ чувствомъ.

Никогда не можетъ быть милымъ воспоминаніе о претерпѣнномъ униженіи, подломъ насиліи, нанесенномъ оскорбленіи. Не будетъ милымъ и воспоминаніе о всемъ окружающемъ: человѣкѣ, мѣстѣ, даже самомъ дѣлѣ (занятіи), являющимся причиною претерпѣннаго. Вызванный воспоминаніемъ фактъ насилія, оскорбленія, униженія, окрашенный непріятнымъ чувствомъ, поднимаетъ съ собою по законамъ ассоціативной памяти и всѣ предметы, связанные съ этимъ фактомъ, а съ ними и сопровождающія чувства.

Не только человѣкъ, совершившій возмутительную несправедливость, насиліе; нанесшій оскорбленіе, подвергшійся униженію,

но самое дѣло, занятіе становится непріятнымъ, иногда отвратительнымъ, если сопряжено даже съ меньшими непріятностями по службѣ.

Все это вѣдомо по теоріи всѣмъ, но часто упускается въ жизненномъ обиходѣ и вотъ на эти-то хотя и рѣдкіе въ нашей арміи случаи я и собирался обратить вниманіе военной мысли настоящей статьёй.

У нѣкоторыхъ изъ насъ не всегда достаточно уравновѣженности, англійскаго хладнокровія и невозмутимости, чтобы ровно и съ полнымъ спокойствіемъ вести воспитаніе и обученіе. Нужно избѣгать бить по чувствамъ, по чувству, а болѣе упираться на логику. Перевѣсь же чувства надъ логикой, по опредѣленію психіатровъ, есть нарушеніе душевнаго равновѣсія, нервозность, неврастенія.

Если въ учебное дѣло, въ какую-либо его ячейку закрадется подобная нервозность, она можетъ повести за собой апатію, даже отвращеніе не только къ дѣлу, а даже и къ средѣ. Это можетъ повести къ желаніямъ переводиться въ другія части и даже уйти со службы.

Конечно, трудное дѣло сочетать требовательность и строгость съ устройствомъ для обучаемаго и подчиненнаго пріятности службы и жизни, но мы вѣдь изслѣдуемъ и чертимъ идеалы, а съ точки зрѣнія послѣднихъ установленіе именно такого отношенія между способами, манерой обращенія и задачами воспитанія и обученія въ арміи и является настоящимъ.

Не всегда же негодность человѣка и, какъ слѣдствіе, суровое обращеніе съ нимъ являются причиной подсчитыванія имъ оставшихся до отставки и пенсіи годовъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ... Вотъ на эти прискорбные случаи, у насъ болѣе рѣдкіе, чѣмъ въ грубой нѣмецкой и полной интригами австрійской арміяхъ и слѣдуетъ обратить въ будущемъ вниманіе реформаторамъ. Это очередное улучшеніе нравовъ послѣ того, какъ у насъ была въ свое время одержана крупная побѣда надъ рукоприкладствомъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ. На очереди истребленіе всякой неровности отношеній къ солдатамъ и въ особенности къ офицерамъ.

Надо сказать, что по добродушію и доброжелательности славянской природы, эта неровность, особенно въ сторону грубости, нудности, пиленія, скопирована была у насъ съ германскихъ образцовъ, почитавшихся спасительными и по этой части.

Слава Богу, что эти не частые образцы являлись у насъ дѣ-

ломъ наноснымъ, привитымъ насильно, почему и легко будутъ выметены вмѣстѣ съ остальными германизмами изъ обихода. Известно, что въ Германіи, подѣ видомъ послушанія и дисциплинированности, часто процвѣтало тупое перенесеніе ударовъ по чувству достоинства и чести, по совѣсти, по нравственному чувству, по чувству справедливости и стало высоко цѣниться въ военномъ бытѣ.

Избави Богъ насъ отъ этого пути—вотъ почему даже рѣдкіе спорадическіе случаи такихъ отношеній должны искореняться.

Нужно не давать раздваиваться двумъ вещамъ—требованіямъ, идеаламъ, теоретическимъ примѣрамъ и жизни. Если вы въ приказахъ говорите о любви къ военному дѣлу, къ службѣ, къ чести... то и въ обращеніи слѣдуетъ избѣгать всего того, что можетъ окрасить работу въ этихъ направленіяхъ фальшью, прогрессирующею недоброжелательностью, грубостью и безцеремонностью въ обращеніи, незаконностью, я не говорю уже про униженія и оскорбленія, хотя бы самыя тонкія, замаскированныя.

Для борьбы съ такими явленіями, какъ показываетъ опытъ, надо тщательно и осторожно пересматривать случаи, когда, напримеръ, удаляется, особенно по своей волѣ, со службы офицеръ. Надо осторожно, не компрометируя до времени никого, убѣдиться, есть ли то неисправимая строптивость, нетактичность, апатичность, неуживчивость, или же при создавшемся сочетаніи характеровъ это есть плодъ вещей, устранимыхъ, часто однимъ перемѣщеніемъ лицъ.

Только недалководность и увлеченіе германскими образцами заставляють иныхъ думать, что военное дѣло требуетъ грубой простоты обхожденія, суровости, мирится съ униженіемъ и налетомъ оскорбительности отношеній, съ нервозностью или даже съ истеричностью распоряжающихся, командующихъ.. Конечно, это заблужденіе.

Въ Германіи «дерганіе» и «обрываніе» составляетъ особый кутьтъ. Отсюда происходитъ знаменитый «цукъ», перекочевавшій и въ инныя наши школы гражданскія и военныя. Этотъ «цукъ», столь заманчивый иногда въ школахъ, вродѣ посвященія въ рыцари или вродѣ прохожденія цѣлой школы терпѣнія и искуса, и есть родоначальникъ послѣдующихъ отношеній на службѣ, противъ которыхъ мы и призываемъ ополчиться, когда настанетъ время старательнаго выметанія всего нѣмецкаго—наноснаго—изъ арміи.

Дергать возможно въ разныхъ видахъ и дѣло изслѣдователя ихъ срисовать съ жизни. Часто творцы того или другого способа дерганія сами не сознають, въ чью руку они играютъ. Къ дерганью надо отнести чрезмѣрные требованія, особенно въ обычное время, со звываніемъ къ самопожертвованію, высотъ долга службы. Такіявысокія вещи, какъ и имя Господне, не должны произноситься всуе и по незначашимъ случаямъ и тамъ, гдѣ, очевидно, что требуется лишнее. Затѣмъ, тамъ, гдѣ мечутся, гдѣ видимо не имѣють твердаго плама, направленія, гдѣ впадаютъ въ панику передъ начальствомъ... тамъ безусловно подчиненные испытываютъ нѣкоторое дерганье. Наша дальневосточная неудача съ ея послѣдующими экстренными реформированіями и переучиваніями внесла свою долю дерганія въ служебный обиходъ и можетъ быть мѣстами и временами это для иныхъ лицъ казалось невыносимымъ, особенно въ строю. Конечно, въ будущемъ надобно учесть и это при перестройкѣ армейскаго быта и отношеній на новый, болѣе русскій ладъ, что послѣ успѣшной войны будетъ не трудно.

Одинъ фактъ возбуждаетъ большія неудовольствія въ арміи — это разложеніе наказанія, за проступокъ младшаго, по всѣмъ ступенямъ лѣстницы начальниковъ вверхъ, по прусскому образцу. Дѣло въ томъ, что задатки преступности, испорченности, если не прямыя цвѣтуція эти качества, приносятся новобранцемъ въ армію и не всегда въ силахъ начальниковъ перевоспитать такихъ субъектовъ. Можетъ быть военно-судебнымъ властямъ придется въ будущемъ болѣе работать надъ выясненіемъ того, порядки ли части, недостатокъ воспитанія воинскаго или неисправимость натуры породили тотъ или другой проступокъ. Безъ такого же изслѣдованія валовое обвиненіе цѣлой лѣстницы начальниковъ не всегда можетъ быть правильнымъ и будетъ поэтому окрашивать для нихъ въ непріятный колоритъ всю службу и гасить самую охоту къ военному дѣлу. Ибо часто отвѣтъ за проступокъ часового скорѣе можно поставить въ счетъ родителямъ, гражданскимъ начальникамъ, не обработавшимъ достаточно лицо, идущее служить, въ смыслѣ честности отношенія къ своему долгу.

Въ гражданскихъ школахъ воспитатели и учителя очень часто, а то и никогда, не отвѣчаютъ за плохихъ учениковъ, за ихъ шалости, поведеніе, почему и не имѣють нужды скрывать ихъ проступки. Правда отвѣтственность за воспитаніе ляжетъ обязательно и на нихъ при будущемъ переустройствѣ школы, но пока приходится встрѣчать такія сравненія, и ихъ долженъ отмѣтить изслѣ-

дователь, старающійся обнаружить справедливыя и несправедливыя (заблуждающіеся) сѣтованія на тяжесть службы.

Много сѣтовали передъ войной въ арміи на раздѣленіе по формѣ служебныхъ и частныхъ отношеній, на прусскій образецъ, что сказалось изгнаніемъ сердечности, веселости и задушевности и въ напусканіи на себя дѣланности, хорошо раскрываемой инстинктомъ. Въ эту дѣланность и вставлялись нѣкоторыми рѣзкость и грубость, какъ необходимые атрибуты. Иные считали, что имена и отчества годятся только для салоновъ и вечеровъ, а для службы одни чины и званія. Въ этомъ мнѣніи строго надо отгородить дѣйствительную фамиллярность, мѣшающую дисциплинѣ, отъ простоты отношеній, ей способствующей по особенностямъ славянскихъ натуръ.

Справедливо и то, что самое вызвышенное требованіе сверху внизъ, по относительной грубости низовъ, можетъ породить такое исполненіе, которое въ корнѣ можетъ уничтожить благою мысль высшей инстанціи. Для этого часто достаточно прямолинейности и шаблонности приложенія того или другого начала, какъ мы указывали раньше въ примѣрѣ разложенія вины часового на всѣхъ ближайшихъ его начальниковъ.

Потомъ еще двѣ вещи считаются въ арміи «отравляющими» жизнь: замѣна обученія экзаменованіемъ и мелочный контроль, о чемъ не разъ поднимались въ печати обширныя обсужденія. Новый порядокъ, начавшій заводиться передъ войной и обязывавшій начальниковъ, не только упрекать, но и показать лично, какъ исправить недочетъ—являлся крупнымъ шагомъ въ данномъ отношеніи. Оставалось уничтожить только еще болѣе досадную вещь, пересѣченіе сосѣднихъ сферъ вѣдѣнія сосѣднихъ инстанцій, что тоже начато, предоставленіемъ низшимъ инстанціямъ больше свободы и независимости дѣйствій.

Хочется провести параллель.

Воззваніе Гарибальди съ одной стороны о военныхъ лишеніяхъ, а съ другой—перечень того, что охлаждаетъ влеченіе къ военной службѣ, въ результатѣ можно сказать, что насколько за первыми мытарствами пойдутъ безропотно, настолько вторыя слѣдуетъ искоренять, чтобы устранить въ душахъ военныхъ тотъ колоритъ недовольства и апатіи, который хуже всякаго ропота.

Гарибальди взывалъ:—«Солдаты, вотъ что я предлагаю тѣмъ, кто пойдетъ за мной: голодь, холодъ, зной; ни хлѣба, ни казармъ, ни припасовъ; за то—постоянныя тревоги, сраженія, форсирован-

ные марши, атаки въ штыки... Кто любитъ Отечество, пусть слѣдуетъ за мной...»

Уродливости же армейскаго уклада, если ихъ помѣстить въ такую же тираду, вызовутъ прежде всего заключеніе самого зовущаго о ихъ возможно скорѣйшемъ уничтоженіи. Съ высоты любви къ Отечеству всѣ эти дерганья, пересолы требованій, всѣ эти приспособленія войсковыхъ отношеній на прусскій, неудобный образецъ, всѣ эти замѣны логики доводовъ срывами сердца, нервничаніемъ и разносами, мелочнымъ контролемъ и разложеніемъ на всѣхъ чужой вины...—все это мелочи, мелкіе уколы и шипы, въ сравненіи съ лишеніями военнаго времени, о которыхъ говоритъ Гарибальди. И можетъ быть въ военное время они могутъ, переплетаясь съ военными лишеніями, не охлаждать боевого пыла, но въ мирное, учебное и подготовительное время это досадныя и вредныя плевелы на армейской нивѣ и могутъ явиться гасильниками любви къ военному дѣлу.

У японцевъ образцовая доброжелательность служебныхъ отношеній, и у нихъ мы скорѣе должны брать примѣръ, чѣмъ у жестокихъ германцевъ. У японцевъ высокая тактичность и мягкость служебныхъ отношеній, по словамъ Клодта (его рѣчь, какъ депутата въ 1906 году), приводитъ къ сплошной почетности и заманчивости военной службы уже въ мирное время. И если у насъ кое кто идетъ въ мирное время служить не особой охотой, а иной глядитъ изъ строя съ завистью на гражданскую службу, то это одно учить насъ отнестись внимательнѣе къ переустройству всего уклада служебныхъ отношеній, дабы сдѣлать службу съ этой стороны столь же пріятной какъ у японцевъ.

Надо уподобиться умнымъ родителямъ, принимающимъ мѣры, чтобы ребенокъ не получалъ отвращенія, а полюбилъ бы ученіе, дѣло. Для этого тутъ и тамъ надо поступать аналогично, стараясь удалить все то, что портитъ впечатлѣніе, что непріятно дѣйствуетъ на душу. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о душѣ арміи, отъ которой столь зависитъ духъ ея.

И какъ не возблагодарить небо, что мы не старались быть слишкомъ ревностными послѣдователями германо-австрійской суровой, а иногда и истязательной системы армейскаго обхожденія съ подчиненными. Надо думать, что отрицательныя черты германской военной системы, которыя принесли имъ эти неудачи и напрасныя кровопролитія, содержали среди себя и эту суровость,

оскорбительность служебныхъ отношеній, на соринки которыхъ мы жалуемся у себя. Тамъ это было сплошь.

Всѣмъ хорошо извѣстно надменное и презрительное отношеніе германскихъ офицеровъ о своихъ солдатахъ, какъ матеріаль трудно воспитываемомъ и обучаемомъ по правиламъ педантической искони нѣмецкой школы. Эти отзывы они дѣлали не только дома, въ Германіи, у себя, а и передъ иностранцами; всѣмъ извѣстенъ случай изъ недавняго времени, какъ одинъ высокопоставленный нѣмецъ завидывалъ нашимъ менѣе грамотнымъ и менѣе, казалось, культурнымъ солдатамъ, которыхъ по его, легче было бы готовить, чѣмъ ихъ «гебільдете канаалій», какъ онъ выразился.

Что процвѣтаетъ по отношенію къ солдатамъ, то въ иныхъ только формахъ процвѣтаетъ и къ офицерамъ, вотъ почему и гаснетъ на нашихъ глазахъ германская слава, слава германской системы.

А. Дмитревскій.

